

ИНТЕРВЬЮ

Социум нуждается в социологии

С учёным-социологом, первым деканом факультета социологии СПбГУ (1989–2000), лауреатом премии имени М. М. Ковалевского, доктором философских наук, профессором *Бороневым Асалханом Ользоновичем* беседовала директор СПбФ ИИЕТ РАН, президент 23 комитета по социологии науки и технологий Международной социологической ассоциации, канд. соц. наук Ащеулова Надежда Алексеевна¹. Интервью проводилось в Музее-квартире П. К. Козлова СПбФ ИИЕТ РАН.

Ащеулова Н. А.: Глубокоуважаемый Асалхан Ользонович, мы рады Вас приветствовать в Музее известного путешественника Центральной Азии П. К. Козлова. Вы в детстве мечтали учиться, приносить людям плоды бесценных знаний и твердо шли к своей мечте. Расскажите о детских грезах, поделитесь воспоминаниями о родителях, учебе в школе.

Боронев А. О.: Я родился в удивительном крае, в Сибири. Примерно в 100 км севернее острова Ольхон на Байкале находится село Старый Хогот Баяндаевского района Иркутской области. У прибайкальских хребтов начинается река Лена. В таком таежном селе и проходило мое детство. В то время, в тридцатые годы XX века,

размер села определяли по количеству печных труб, которые топились. В моем родном селе таких «дымящихся труб» было сорок. Такой способ подсчета был связан с тем, что домов в деревне могло быть больше. Сейчас, например, в сибирских деревнях зачастую стоят 20–30 домов, а дымят всего 5–10 труб. Это катастрофа! Мое детство совпало с тяжелыми военными и послевоенными годами. Рано лишился отца. С раннего возраста трудился, учился. Начальную школу я закончил в своей деревне, а с 5 по 10 класс учился в селе Хогот, в 12 км от моего родного дома. Общежития у школы не было, и поэтому пришлось снимать жилье и платить за койку. Оплачивал свой угол, работая по хозяйству. Моей задачей было носить воду, убирать снег, пилить дрова, чистить коровник. Учебный год обычно начинался в октябре, а заканчивался в мае с началом посадки картофеля. И в летний период, как и многие школьники, я работал на сельхозработах в колхозе. Мне очень нравилось учиться! Больше всего мне нравились гуманитарные предметы. Школа была хорошая и прекрасные учителя. Тогда мне казалось, что все учителя «великие».

Ащеулова Н. А.: Расскажите, пожалуйста, про своих родителей.

Боронев А. О.: Мой отец был столяром, плотником, делал мебель, строил дома. От отца у меня остался единственный документ — книжка ударника 1933 г. Мать работала в колхозе. Несмотря на то, что она была неграмотной, она обладала даром мудрости. Я такого умного и трудолюбивого человека, как моя мать, не встречал никогда... У нее был особый метод воспитания. Она никогда за проделки не наказывала. Делала вид, что не заметила. За хорошее она всегда похвалит, скажет «молодец», погладит. И какую-нибудь вкусную еду приготовит. Это было высшее поощрение. Вот такая сибирская педагогика — поощрять за хорошие дела.

Ащеулова Н. А.: У Вас замечательное имя — Асалхан. Кажется, оно само предопределило яркое будущее, первая буква алфавита, да и еще такое окончание! «Хан» ведь должен быть по жизни лидером, инициатором. Выбор имени был неслучаен? Нет ли истории?

Боронев А. О.: Есть такая традиция в Бурятии. Если родился мальчик, то имя дают того, кто первым войдет в дом. Мне рассказывали, что первым зашел мой двоюродный брат — Асалхан. Но у меня с детства есть и второе имя — Александр. У старших поколений западных бурят были двойные имена — русское и бурятское. Это было связано с крещением бурят при царизме. Крещеные буряты имели льготы. Однако в церковь ходили один раз, в день рождения царя Николая. Люди старшего поколения обращались ко мне — «Асалхан», а молодые называли Александром.

Ащеулова Н. А.: И как сложилась учеба у Александра после школы?

Боронев А. О.: После окончания школы я долго размышлял, работал в колхозе. В октябре, после хлебоуборки, поехал в окружной центр учиться на токаря. По дороге меня встретил корреспондент местной газеты, с которой я сотрудничал, и предложил там работу. Я прошел отбор, писал диктант, и стал работать в качестве корректора, а позже меня перевели в ранг литсотрудника. В это время я постоянно размышлял, что делать дальше. Мне очень хотелось поехать учиться в Москву или Ленинград. Надо сказать, что Ленинград в Сибири тогда считали «святым городом» и отношение к ленинградцам было очень теплым и братским.

В мае 1956 г. меня призвали в армию, и я три года служил в войсках ПВО, причем два из них на Дальнем Востоке, в Комсомольске-на-Амуре. Я иногда писал статьи в военные газеты округа, так как имел опыт. Однажды была опубликована моя небольшая статья, осуждающая солдат, которые не пишут письма своим матерям.

¹ Проведено при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 0002-2015-0025

Эта заметка сделала меня известным в части. Когда в 1958 г. в городе Львове открылось Высшее военно-политическое училище, то политотдел дивизии решил отправить меня учиться на отделении «Военная журналистика». Сомнения у меня были большие — в армии шло сокращение (хрущевское), мама жила в деревне с пенсией 12 рублей в месяц. Отступать было некуда, решил поехать во Львов, так как был уже подписан приказ об отправке меня на учебу. Ехал поездом с пересадками в Хабаровске и в Москве. Помню случай, когда на станции Конотоп решил купить у торгующих женщин яблоки. Протягиваю деньги в надежде получить 2–3 яблока, а тут вываливают мне целое ведро. Я был удивлен, стал отказываться, помня, что в Сибири одно яблочко стоило 3 рубля. Во Львове хорошо сдал экзамены и был представлен к зачислению. Но сомнения продолжали мучить меня, и я решил отказаться от военной карьеры и дослужить оставшийся год при училище, так как в только что созданном заведении не хватало сержантского состава. Вообще, служба в Советской армии для меня была первым трехгодичным университетом. Здесь я впервые попал в настоящую библиотеку, много читал и нашел свою исследовательскую проблему. Как старшина батареи имел возможность наблюдать за поведением солдат, обучать и воспитывать их. Понял, что необходим индивидуальный подход. Солдаты были с разным уровнем образования, городские и сельские, разных национальностей. При самообслуживании возникали проблемы городских детей, интересно было наблюдать за поведением солдат в свободное время и т. д. Например, солдаты разных национальностей проводят свободное время по-разному. Узбеки спокойно, не перебивая друг друга, обсуждали свои проблемы, украинцы были более эмоциональны и шумны, представители Северного Кавказа увлекались спортом и т. д. Различными были интересы солдат с разным уровнем образования. Мои наблюдения вызвали у меня интерес к проблемам психологии, национальных традиций, общения. Эти наблюдения привели меня на философский факультет ЛГУ, где было психологическое отделение. Однако при приеме моих документов ответственный секретарь приемной комиссии посоветовал мне подать документы на философское отделение, утверждая, что психология делает только первые шаги, выпускники могут работать разве что в детских садах и других детских учреждениях. Так я оказался на отделении философии, но интерес к психологии не терял. Первую диссертацию защитил по этнической психологии, несмотря на неприятие моей темы некоторыми философами, для которых понятие этничности противоречило идеям интернационализма. Меня поддержали на защите этнографы-антропологи из Кунсткамеры...

Ащеулова Н. А.: Расскажите, пожалуйста, о философском факультете. Как складывались отношения с Вашим наставником, Василием Петровичем Тугариновым?

Бороноев А. О.: На философский факультет я попал в плодотворный период. Это была «оттепель», в обществе и на факультете происходило много интересного, постоянно возникали новые идеи, постоянно происходили встречи и дискуссии. На сцену выступили социология, социальная и инженерная психология. Василий Петрович был одним из глубоких, оригинальных ученых, очень мудрым человеком. Для нас, студентов и аспирантов, он был образцом творческого человека, глубокого мыслителя. Ко мне Василий Петрович хорошо относился, и мы часто беседовали, несмотря на то, что в то время было принято «держаться дистанцию» между преподавателями и студентами. У профессора был очень высокий статус. Он пригласил меня в аспирантуру кафедры. Когда я был на втором курсе аспирантуры, на кафедре освободилась ставка ассистента, и Василий Петрович предложил мне занять ее.

Я ему ответил, что хотел бы закончить аспирантуру и защитить диссертацию, но он мне сказал, что вакансии бывают не всегда, пишите заявление. Я стал работать на кафедре философии для гуманитарных факультетов ЛГУ и много занимался общественной работой. С 1986 года я заведовал этой кафедрой.

Ащеулова Н. А.: Факультет социологии — это особый, очень важный проект в Вашей жизни. Как проходила организация социологического образования в университете? Расскажите о работе социологов в то время. Кто входил в группу ученых, занимавшихся исследованиями?

Бороноев А. О.: Проблемы социологии часто обсуждались на лекциях. Например, И. С. Кона по историческому материализму, истории русской философии, которую читали П. Ф. Никандров, А. А. Галактионов. Игорь Семенович Кон позже в своих воспоминаниях писал, что «курс истмата превратил в курс общей социологии». Анатолий Андрианович Галактионов, Петр Федотович Никандров в своем курсе уделяли большое внимание социологическим взглядам русских философов. Спецкурс по истории социологии читал чл. — корр. Б. А. Чагин. Защищались диссертации по социологической тематике. Сказать, что в 60-х годах XX столетия социологии в Университете не было, нельзя. В 1964 г. впервые полный курс по методологии социологии стали читать А. Г. Здравомыслов и В. А. Ядов. Я стал работать в студенческой группе их проекта по тематике «Человек и его работа», проводил анкетный опрос на Металлическом заводе, на Теплоэлектростанции, писал курсовую работу. Тогда начиналось, как пишет Г. Батыгин, «социологическое движение» в стране, многие были увлечены социологией, о социологии говорили везде. Обращение к социологии было формой борьбы с догматизмом. В 1966 году в Ленинграде состоялся симпозиум на тему «Итоги конкретно-социологических исследований в СССР». Это было признанием «второго рождения» социологии в стране и признанием роли нашего города в этом процессе. В работе симпозиума участвовали сотрудники всех зародившихся в это время центров, лабораторий, вузов, АН СССР и партийных организаций. Я, будучи аспирантом, работал в молодежной группе Оргкомитета, который возглавлял декан философского факультета проф. В. П. Рожин, много сделавший для развития социологии в университете и в стране. С этого периода только некоторые догматики продолжали обсуждать предмет социологии в его соотношении с истматом, с философией.

В 1964 году из создавшихся в университете лабораторий был создан Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований (НИИКСИ), собственно институт социологии. Из-за своего интереса к социологии и психологии я хорошо знал работу этого института, участвовал в семинарах и конференциях, имел публикации. Когда в 1987 г. встал вопрос о директорстве в НИИКСИ, руководство университета решило объявить конкурс. Были выдвинуты 3 кандидатуры — проф. В. Т. Лисовского, проф. Л. А. Свенцицкого и моя. Мне досталось больше голосов, и я с 1987-го по 1990 год возглавлял этот институт. Время было сложное, шла перестройка, сплошные митинги и дискуссии. В 1989 году в университете было принято решение об открытии факультета социологии, и я был назначен деканом-организатором. Это решение было принято ректором ЛГУ Меркурьевым С. П. после длительного обсуждения с социологическими центрами города и ведущими социологами. Проблем было много. Во-первых, не было помещений. Во-вторых, не было подготовленных кадров. Социологи того времени не имели базового образования. Они представляли из себя узких эмпириков или политэкономов и истматчиков,

которые стремились вместо факультета социологии организовать факультет исторического материализма с элементами научного коммунизма. Шла острая дискуссия о концепции факультета, которая иногда переходила в неприятные методы борьбы. По существу, на первых этапах на ученом совете и вокруг факультета шла борьба идеологий. Об этом хотел бы написать отдельную статью. Моя позиция была четкой: необходимо создать факультет собственно социологии на основе плюрализма, то есть использования идей и традиций отечественной социологии. Беда состояла в том, что марксисты полностью отвергали идею плюрализма а тогдашние социологи плохо знали историю идей отечественной и мировой социологии. В этих условиях трудно было составить учебный план и осуществить его качественную реализацию, что зависит от состава преподавателей. Решению многих проблем развития факультета помогли международные контакты.

Ащеулова Н. А.: Расскажите, пожалуйста, о связях с международным научным сообществом. Например, с Международной социологической ассоциацией.

Бороноев А. О.: С самого начала факультет наладил творческие отношения с европейскими социологами, например, социологами Свободного университета Берлина, Гамбургского университета, с факультетом социологии Билефельдского университета, с французскими коллегами и т. д. Мы с европейскими учеными имели с 1993 г. 3 проекта ЕС «Темпус-Тасис», проекты ДААД. Особенную роль в становлении и развитии факультета сыграл проект «Темпус-Тасис» «Обновление преподавания социальных наук в Санкт-Петербургском университете» (1993–1997), в котором участвовали Университет гуманитарных наук в Страсбурге, Новый университет Лиссабона, Билефельдский университет и мы.

В процессе совместной работы мы изучали опыт подготовки социологов, европейские традиции, школы. Чрезвычайно важным аспектом была совместная подготовка лекций и их совместная реализация в наших аудиториях, чего не было в других университетах страны. В этих условиях очень важной была языковая подготовка преподавателей и студентов. Многие были не готовы к этому. В результате на факультете был создан соответствующий учебный план. Если бы не эти проекты, то освоение мирового опыта могло затянуться надолго. Кстати, международные контакты заставляли нас изучать и отечественные традиции. Например, коллеги из европейских университетов просили рассказать об истории социологии в России, об опыте исследований, об известных ученых, считая, что зарубежный опыт должен соотноситься с национальным опытом развития социологии. Это заставило меня и моих коллег обратиться к отечественным традициям, которые мы знали плохо. Мы провели несколько конференций, стали издавать русскую социологическую классику, ведем исследовательскую работу. Издано под моей редакцией 11 томов русской социологической классики, 4 сборника исследований по истории русской социологии. Нашу работу активно поддержал акад. Г. В. Осипов, патриарх нашей социологии, поддержал письменно и устно.

Ащеулова Н. А.: Расскажите, пожалуйста, об истории организации Ковалевских чтений. Ведь это Ваша заслуга?

Бороноев А. О.: Конференции, семинары — важный аспект институционализации научного направления, наряду с другими организационными формами науки. На факультете с самого начала проводили конференции, и в том числе годовую конференцию, а с 2001 года она стала называться «Ковалевскими чтениями». Это было связано с двумя моментами. Во-первых, ежегодные именные чтения — это уже тра-

диция, которую никто не осмеливается нарушать; во-вторых, имя М. Ковалевского для нас очень значимо, примерно также как имя Э. Дюркгейма для французских социологов, Тенниса для немецких социологов. С деятельностью М. Ковалевского связана институционализация нашей социологии в начале XX века. Он заложил основы академической социологии, создал функционально-генетическую школу, подготовил учеников с мировым именем, которые продолжали его идеи. Я имею в виду П. Сорокина, К. Тахтарева, Н. Тимашева, Н. Кондратьева и др. Кстати, Ковалевского хорошо знают французские социологи и историки. Ковалевские чтения — это знак памяти великому ученому и общественному деятелю, проявление научной культуры. В советское время он был отнесен к «буржуазным либералам» из-за пропаганды идей плюрализма, несмотря на то, что называл Маркса одним из своих учителей.

Ащеулова Н. А.: У Вас много учеников, они работают в университете, в других городах и за рубежом. Это ведь трудная работа?

Бороноев А. О.: Действительно, это трудная работа, ответственная работа, так как ты определяешь в основном тему, оказываешь концептуальное влияние, берешь на себя ответственность перед молодым человеком. Некоторые боятся руководить аспирантами. Кроме забот есть и приятные моменты: ты учишься вместе с аспирантом или докторантом, радуешься их успехам... Под моим руководством защитилось 62 аспиранта, я консультировал 15 докторантов. Почти все стали известными специалистами. Они работают в России, США, Турции, Канаде, Кубе, Корею и почти во всех странах ближнего зарубежья, на факультете. Со многими не потеряна связь, чему я очень рад.

Ащеулова Н. А.: Ваш творческий путь неразрывно связан с университетом, но, насколько мы знаем, Вы всегда старались поддерживать активные научные контакты с Академией наук. Я держу в руках программы сессий Международной школы социологии науки и техники, и Ваша фамилия там ярко обозначена. Самуил Аронович Кугель активно старался вовлекать факультет и Вас лично в проекты? Что запомнилось?

Бороноев А. О.: Да, мы активно сотрудничали с Самуилом Ароновичем. Я знаком с ним с 1961 или 1962 года. Он часто бывал на философском факультете и выступал на социологических семинарах. Очень интересным было обсуждение его книги «Молодые инженеры». Это была классическая социологическая работа о молодых инженерных кадрах, и она была очень популярна. Потом я помню защиту его докторской диссертации, поскольку защищался он у нас. Я тогда специально пришел на защиту, мне было интересно. Позже, когда я работал в НИИКСИ, мы там с ним часто встречались. Самуил Аронович был удивительно общительный и энергичный человек. Когда создавали факультет социологии, он пришел к нам одним из первых. Я предлагал ему читать лекции, но он, к сожалению, отказался, поскольку в то время читал лекции в Финансово-экономическом и в Политехническом институтах. Однако он участвовал во всех наших конференциях и был на факультете своим человеком. А в девяностых годах, когда он организовал Международную школу социологии науки и техники, я активно стал участвовать в ней. Запомнилось и совместное заседание факультета социологии ЛГУ, Российского общества социологов и Международной школы социологии науки и техники «Истоки развития социологии в Санкт-Петербурге и Ленинграде» на XII сессии Школы. С. А. Кугель внес огромный вклад в науку. Это замечательно, что вы сейчас продолжаете его

традиции. Санкт-Петербург стал площадкой для дискуссий, стал центром социологии науки и технологий, благодаря деятельности С. А. Кугеля и его учеников. Школа С. А. Кугеля признана в мире.

Ащеулова Н. А.: Мы не случайно сегодня находимся в Музее П. К. Козлова. Вы ведете огромную работу по популяризации бурятской, буддийской культуры и помогли нам в организации выставок в нашем Музее. Мы очень благодарны за прошлые проекты и надеемся на будущие. Расскажите, пожалуйста, о выставках, которые представляло Общество Бурятской культуры.

Бороноев А. О.: Первый раз в Музей П. К. Козлова я пришел лет 20 назад. Заведующим музея в то время был Александр Иванович Андреев. Мы с ним знакомы очень давно и дружим долгие годы. Общество Бурятской культуры два раза открывало здесь выставку. Мы не раз собирались в Музее, подводили итоги конференций, проводили работу секций, выпустили 5 книг по буддийской культуре, в которых участвовали сотрудники Музея. В течение многих лет у нас с Музеем тесные контакты. Представители Общества Бурятской культуры приходят сюда как домой. Желая Музею процветания.

Ащеулова Н. А.: Расскажите, пожалуйста, какие идеи остались нереализованными, какие есть мечты, планы на будущее.

Бороноев А. О.: Мечты, планы полезны, они не дают расслабляться. Голова и душа при их наличии «работают». В последнее время переживаю, что моя юношеская мечта изучить восточную мудрость — прозу и поэзию не осуществилась до конца. Сейчас, перелистывая собранную библиотеку восточной литературы, чувствую, что огромную, глубокую древнюю культуру пропустил мимо из-за суеты и постоянной занятости. Это литература (китайская, японская, персидская и т. д.), созданная до нашей эры и в начале новой эры, очень отличается от европейской, фактически вторичной и технологизированной, написанной для действия, а не для души.

Если говорить о социологии, то для меня очень актуальны следующие проблемы. Во-первых, вопросы территориально-региональной идентичности, то есть субъективные факторы развития культуры, экономики регионов, проблемы формирования жизненной стратегии населения как фактора борьбы с внутренней миграцией. Понятно, что меня интересуют проблемы «сибирства», сибирской идентичности и ментальности. Региональная социология сведена к экономико-управленческим проблемам. Мечтаю продолжить исследования проблем «сибирства». Во-вторых, мечтаю со своими коллегами написать полную историю отечественной социологии. Сегодня не все темы и имена представлены в существующих изданиях и не осмыслено понятие «русская социологическая школа». Через это нужно прекратить пренебрежительное отношение к традициям нашей социологии.

Ащеулова Н. А.: У Вас очень много наград. Какая из них самая дорогая? Может быть, с ней связана какая-нибудь история?

Бороноев А. О.: Обычно бывает так, что одна награда тянет другие. Получается что-то вроде эффекта Матфея. У меня есть награды государственные и общественные. Может быть, одной из самых главных наград является советский орден «Знак почета». Также важны для меня награды — Серебряная и Золотая медали П. Сорокина. Есть у меня еще общественная награда Монгольского общества культуры — орден Чингисхана. Последней наградой был орден «Дружбы». Награды связаны с активной позицией человека. Кстати, моя аспирантка Гусева Наталья подготовила

и защитила очень интересную диссертацию «Роль государственных наград в определении социального статуса» (2012).

Ащеулова Н. А.: Как профессионал, какой бы вы дали совет нашим студентам, молодым сотрудникам? Например, как стать социологом, каким социологом нужно быть? Ваши пожелания профессионала — новичку. Как идти по профессиональному пути социолога?

Бороноев А. О.: Я глубоко убежден и чувствую по себе, что надо изначально постараться получить фундаментальные знания, классическое образование. К сожалению, современные стандарты, формирование компетенций оставляют в стороне основы образования, не учат понимать проблему всесторонне, сводят к методикам и сиюминутным темам. Фундаментальные знания связаны с историей идей любой науки, в том числе и социологии. Сюда обязательно входят глубокое знание культурного наследия, и, безусловно, знание языка. По существу, я не получил фундаментального классического образования, и очень об этом жалею, но всю жизнь восполняю этот недостаток. И мне кажется, что вот, например, эта библиотека восточной поэзии и прозы, о которой я говорил, является одной из тех фундаментальных основ, которые необходимо знать. У каждого человека свои таланты и свои проблемы. В молодости мне всегда было некогда, не хватало времени, кроме того, я увлекался общественной деятельностью на разных уровнях, хотя надо сказать, как ни странно, я сам к этому не очень стремился. Надо научиться планировать, думать о перспективах, развивать волю, чтобы быть выше обстоятельств.

Ащеулова Н. А.: Спасибо Вам большое!